

После ухода Цинь Сяо Чу Цзюбянь составил список необходимых вещей и отдал Сяо Сянцзы.

Тот лично сходил в Императорский медицинский приказ (Тайиюань) и в дворцовое управление (Нэйюфу) и через некоторое время принес еще селитры и все необходимые для изготовления льда емкости.

В Яотайцзюй все были людьми Цинь Сяо. Чу Цзюбянь, даже если бы захотел, не смог бы ничего скрыть, поэтому просто руководил Сяо Сянцзы и остальными, работая вместе с ними.

Для очистки и охлаждения селитры требовалась целая ночь, поэтому все провозились дотемна, так и не узнав, что именно задумал Чу Цзюбянь. Впрочем, никто и не спрашивал. Евнухи и служанки, которым доверял Цинь Сяо, обладали достаточной выдержкой, чтобы держать язык за зубами.

Стемнело. Чу Цзюбянь в последний раз проверил остывающую селитру и тоже приготовился мыться и отдыхать.

Двое маленьких евнухов, Сяо Цзиньцзы и Сяо Иньцзы, принесли с кухни огонь, зажгли светильники во всех комнатах и окурили помещения полынью от комаров.

Чу Цзюбянь на мгновение опешил и только тут заметил, что в династии Нин даже нет огнива (хочжэцзы) и свечей. Для разведения огня используют только кремень (суйши).

Значит, сейчас селитру действительно используют только как лекарство.

Неудивительно, что Сяо Сянцзы, сколько ни старался, нашел только две корзины селитры. Оказалось, во дворце действительно нет больших запасов.

Селитра нужна не только для изготовления льда, но и для огнива, пороха, фейерверков.

Если добычу селитры сделать государственной монополией, запретив частный сбор и торговлю, то в будущем селитра будет только у государства.

А из селитры можно делать много чего, кроме пороха, и продавать это. Сначала — знати, сорвав большой куш, потом — постепенно распространять и среди простого народа. Это будет бесконечный источник дохода.

Чу Цзюбянь, улегшись в постель после мытья, подумал: ну и повезло же этому Цинь Сяо.

Но правительство — это не только Цинь Сяо, главным все-таки остается маленький император. Чу Цзюбянь считал, что это инвестиции в главного героя.

Пока он обдумывал все это, в столице уже кипели страсти из-за его двух стихотворений.

Не говоря уже о любителях изящной словесности, даже мелкие и крупные чиновники, искушенные в интригах, собирались со своими советниками и приближенными, чтобы обсудить и оценить их.

Любители словесности, конечно, досконально изучали стихи — их ритмику, параллелизм, образы, чувства, разбирали со всех сторон и в итоге приходили к выводу: «Такие стихи бывают только на небесах».

В одно мгновение имена Бессмертного поэта Ли Бо и Отшельника Иань Ли Цинчжао разнеслись по кругам образованных людей.

Кто-то вздыхал: «Если бы можно было лично встретиться с этими двумя бессмертными, не было бы сожалений в этой жизни».

А некоторые из тех, кто раньше считал себя талантами и мудрецами, совсем пали духом и не желали больше браться за кисть.

В отличие от этих ученых, целиком погруженных в науку, мелкие и крупные чиновники, погрязшие в дворцовых интригах, увидели гораздо больше. Их внимание привлек не столько Ли Бо и Ли Цинчжао, «бессмертные», сколько Чу Цзюбянь, принесший эти стихи в мир людей.

Имя Чу Цзюбяня уже было у всех на слуху вместе с распространением стихов.

Теперь, когда упоминали «господина Цзю» (Цзю гунцзы), его знали все.

В усадьбе Су Шэна министр финансов, господин Су Шэн, прищурившись, смотрел на тонкий лист бумаги, на котором были переписаны те два стихотворения, что за несколько часов облетели всю столицу.

«Этот господин Цзю воистину удивительный человек», — мрачно произнес он.

Советник Фань Хэ тоже был серьезен: «Действительно. Цинь Сяо тоже сделал хороший ход».

После появления этих двух стихотворений у всех, естественно, были свои мысли.

Сначала ходили слухи, что стихи написали литераторы из окружения Цинь Сяо. Но если бы у него действительно были такие таланты, да еще не один, он бы не оказался в полной изоляции в правительстве.

Взгляните только на строку «Придет время — и разобью волны, взмою под парусом прямо в море» — тот, кто написал это, полон устремлений и ни за что не согласился бы тихо сидеть в тени и быть просто советником.

Поэтому тот Бессмертный поэт Ли Бо никак не мог быть человеком Цинь Сяо.

Исключив эту возможность, всем оставалось только поверить, что эти два стихотворения вышли из-под пера Чу Цзюбяня.

Если бы было только одно «Труден путь», возможно, кто-то и подумал бы, что Чу Цзюбянь написал его сам. Но была еще и «Слива срезана».

Если только Чу Цзюбянь не прожил две жизни, он никак не мог написать два таких разных стихотворения.

«Господин советник, как вы думаете, зачем те силы, что стоят за господином Цзю, послали его в столицу мутить эту мутную воду?» — спросил Су Шэн.

Фань Хэ покачал головой: «Не знаю. Но раз уж объявилась сила, о которой мы ничего не знали и которая столько времени скрывалась, нам нужно постараться привлечь ее на свою сторону».

Су Шэн кивнул: «Видимо, нужно снова передать весточку князю».

Он посмотрел сквозь распахнутое окно кабинета куда-то далеко на северо-запад.

Серебряная луна заливала все белым светом.

В маленьком дворике внутренних покоев стояла стройная девушка в возрасте бутона. Тонкими, как нефрит, пальцами она сжимала грубый, пожелтевший лист бумаги, на котором изящным почерком было переписано то самое стихотворение «Слива срезана».

Маленькая служанка с двумя пучками на голове (шуангъяцзи) торопливо вошла во двор, поклонилась и доложила: «Барышня, только что от госпожи Чжао, третьей барышни из дома заместителя министра по делам чиновников (Либу Шилана), прислали приглашение. Вас просят завтра утром пожаловать к ним на собрание для обсуждения стихов (шанцянь)».

На красивом, ярком лице второй барышни Су отразилась радость: «Замечательно! А я-то думала, как же мне не с кем обсудить».

Старшая служанка, поддерживая ее под руку, улыбнулась: «Тогда барышня скорее отдыхайте, завтра утром поедем».

В различных особняках столицы барышни и госпожи тоже одна за другой получали приглашения от знакомых на собрания для обсуждения стихов.

А тем временем в восточном дворе Янсиньдяня Сяо Сянцзы докладывал Цинь Сяо о том, что видел и слышал сегодня.

«Когда я пошел доставать для господина селитру и емкости, ко мне подходили Сяо Хуцзы из императорской кухни (Юйшаньфан), девушка Сяо Тао из императорского сада (Юйхуаюань) и тетюшка Хайтан из гардеробной (Шанфуцзюй), — Сяо Сянцзы протянул Цинь Сяо несколько маленьких золотых бобов (цзиньдоуцзы). — Они дали мне это, сказали только, что мне, мол, повезло с хорошей должностью, и они хотят со мной подружиться. Больше ничего не говорили».

«Хорошо справляешься», — сказал Цинь Сяо.

Сяо Сянцзы поспешно ответил: «Я недостоин».

Цинь Чаоян проводил его до дверей кабинета, вернул ему все золотые бобы и даже добавил несколько золотых семечек (цзиньгуацзы) сверху, сказав: «Это тебе, оставь себе. Продолжай наблюдать, если что — докладывай».

«Слушаюсь». Сяо Сянцзы, сияя, вышел из восточного двора и вприпрыжку направился к главному двору Янсиньдяня.

У ворот главного двора главный евнух Хун Фу, задрав голову, смотрел на высокую серебряную луну, погруженный в свои мысли. Но, заметив приближающегося человека, он тут же резко повернулся в ту сторону, взгляд его стал холодным и острым.

Увидев знакомую фигуру, он смягчился.

«Наставник», — Сяо Сянцзы подбежал к евнуху Хуну и, улыбаясь, высыпал ему на ладонь все золотые бобы и семечки, которые только что получил. — «Это я сегодня заработал, а это господин добавил. Господин меня даже похвалил».

Обычно главный евнух Хун Фу выглядел добродушным, а сейчас, глядя на своего ученика, его улыбка стала еще ласковее, и в ней появилась искренняя нежность.

Он засунул все золото обратно в маленький кошель ученика и сказал: «Себе оставь, на черный день, только не трать зря».

«Я понял, наставник». Глаза Сяо Сянцзы сияли, ямочки на щеках стали глубже. «Тогда я пойду, наставник. Боюсь, господин ночью меня позовет».

Видя его таким, евнух Хун снова наставил его: «Помни, наш настоящий господин — это Его Величество и господин (Цинь Сяо)».

«Знаю, наставник, помню». Сяо Сянцзы попрощался и весело побежал обратно.

Евнух Хун смотрел ему вслед, пока фигурка не скрылась в темноте дворцовой дорожки, затем улыбнулся и снова поднял голову к луне.

Его обычно сгорбленная спина, когда рядом никого не было, выпрямлялась, являя всю статью, но в глазах постепенно проступала печаль.

Тридцатилетний главный евнух, а глаза у него были как у глубокого старика, отчего фигура его казалась еще более одинокой и незащищенной, одиноко сливающейся с лунным светом.

Прошло много времени. Когда луна поднялась высоко, из главного двора за спиной донесся невнятный детский плач.

Он снова превратился в того заботливого и добродушного главного евнуха Хуна, каким был днем.

Евнух Хун быстро зашагал обратно во двор и вошел в главный зал.

Прислуживавшие в главном зале евнухи и служанки в панике хотели бежать за ним, но, увидев, что он уже здесь, тут же доложили дрожащими голосами: «Евнух Хун, Его Величество опять видел кошмар, проснулся и плачет».

«Знаю». Евнух Хун, не останавливаясь, направился во внутренние покои. «Сварите козьего молока, побольше сахара».

«Слушаюсь». Слуги бросились готовить, а евнух Хун уже вошел во внутренние покои.

Евнухи и служанки, прислуживавшие там, увидев его, постарались стать незаметнее, не смея поднять головы.

А на широком драконьем ложе сидел маленький мальчик в белой шелковой нижней рубашке, обхватив одеяло, с растрепанными волосами, с красными от слез круглыми глазами и носом.

Увидев знакомого человека, малыш заплакал еще жалобнее.

В сердце евнуха Хуна кольнуло, он ускорил шаг, опустился на одно колено у кровати и мягко вытер платком заплаканное личико маленького императора.

«Не бойтесь, Ваше Величество, я с вами», — тихо и ласково утешал евнух Хун.

Байли Хун, всхлипывая, схватил влажной, потной ручонкой руку евнуха Хуна и, заикаясь, сказал: «Я, Я... хочу дядю (цзюцзю)».

Евнух Хун ласково улыбнулся: «Хорошо. Сейчас я помогу Вашему Величеству одеться».

Западный двор Янсиндяня.

Снаружи главного здания послышались слабые, но быстрые шаги. Спящий в опочивальне человек мгновенно открыл глаза, одновременно вскочив с кровати и выхватив длинный меч из-под подушки. Его темные глаза устремились на дверь.

«Кто?» — в его голосе не было ни тени сонной хрипотцы.

За дверью раздался голос маленького евнуха, докладывающего: «Господин, прибыл Его Величество».

Цинь Сяо на мгновение замер, накинул верхнюю одежду и направился к выходу.

Только выйдя из спальни, он опустил меч.

Он вышел из спальни, еще не дойдя до ворот двора, как в лунном свете увидел маленький комочек, бегущий к нему.

Цинь Сяо сделал два шага навстречу и подхватил маленького племянника, уже добежавшего до него, подняв его над головой.

Малыш, который только что плакал навзрыд, тут же рассмеялся, болтая ножками в воздухе и крича «дядя, дядя».

Евнух Хун уже давно, понимая, удалил всех слуг, а сам, не приближаясь, стоял у ворот двора, охраняя издалека.

Цинь Сяо опустил Байли Хуна пониже, усадив его на сгиб своей руки, как делал это уже бесчисленное количество раз.

Байли Хун ухватился маленькой ручкой за его одежду и шмыгнул носом.

«Опять плакал?» — Цинь Сяо безжалостно потянул за подол одежды малыша и вытер ему нос.

У Байли Хуна тут же снова навернулись слезы на глаза, он всхлипнул: «Дядя, я хочу маму (Мухоу)».

Цинь Сяо грубоватым пальцем стер слезы ребенка и сказал: «Дядя тоже по ней скучает».

Слезы малыша полились сильнее: «Мама... мама правда стала небожительницей? Она правда смотрит на меня с неба?»

Но раньше, когда он плакал, мама всегда жалела его и всегда была рядом. Почему же сейчас он плакал уже столько раз, а она так и не пришла?

«Это тебе Хун Фу сказал?» — спросил Цинь Сяо.

Байли Хун кивнул своей маленькой головкой.

Дядя сказал, что мама умерла, как дедушка с бабушкой, как прадедушка, и он больше никогда их не увидит, никогда не увидит маму.

Но евнух Хун сказал ему, что все любившие его родные ушли на небо, стали небожителями и всегда смотрят на него и оберегают.

Цинь Сяо посмотрел в жалобные глаза ребенка. Холодные слова, готовые сорваться с губ, он все же сдержал.

Но и говорить, что они стали небожителями, он тоже не стал. Байли Хун — не обычный маленький принц, он император. Он должен быть сильнее и взрослее обычных детей.

Но все-таки это был трехлетний малыш, только что потерявший мать. Цинь Сяо не хотел добивать его, когда у того из носа пузыри.

Поэтому он сменил тему: «Помнишь того человека, который вчера с неба упал?»

Байли Хун, как и ожидалось, переключил внимание и, всхлипывая, сказал: «Божественный братец».

Цинь Сяо невольно взглянул на ворота двора. Интересно, чему только этот Хун Фу учит ребенка каждый день? Император, а с языка не сходят какие-то боги и духи.

«Он не божество. Можешь называть его Чу Цзюбянь», — поправил он.

Байли Хун кивнул: «Братец Цзю».

Цинь Сяо снова поправил: «Ты император, не можешь называть его братцем».

«Ой», — послушно кивнул Байли Хун.

Цинь Сяо: «У него там есть интересные вещи. Завтра я отведаю тебя к нему. Но сегодня ты должен хорошо спать, иначе завтра я не возьму тебя играть и заставлю съесть еще один яичный желток. Понял?»

Племянник пошел в дядю. Байли Хун унаследовал от Цинь Сяо немало достоинств, например, фотографическую память и отсутствие страха перед учебой.

Но он унаследовал и некоторые недостатки Цинь Сяо, например, привередливость в еде.

Услышав про лишний яичный желток, Байли Хун тут же закрыл рот рукой и в ужасе замотал головой, а потом кивнул.

Цинь Сяо усмехнулся, опустил его на землю: «Все, иди спать».

«Угу. Дядя, тоже спи». Байли Хун, подражая взрослым, сложил руки и поклонился Цинь Сяо, а затем, семеня короткими ножками, зашагал обратно.

Евнух Хун издали поклонился Цинь Сяо и пошел за Байли Хуном.

Цинь Сяо смотрел, как удаляются эти две фигуры — большая и маленькая — и тихо выдохнул.

Сегодня Чу Цзюбянь сказал, что завтра утром покажет ему кое-что хорошее, то, что сможет в короткий срок решить его финансовые проблемы.

Цинь Сяо и так постепенно приучал Байли Хуна к государственным делам, поэтому взять его завтра с собой к Чу Цзюбяню было вполне нормально.

Ночь прошла без снов.

Чу Цзюбянь проспал до самого рассвета и проснулся сам.

И как только он открыл глаза, в голове раздался знакомый механический голос: [Доброе утро, хозяин! Поздравляю, ваши очки веры достигли пятидесяти. Есть надежда, что сегодня перевалят за сотню. Продолжайте в том же духе].

Чу Цзюбянь резко сел.

<http://bllate.org/book/17024/1584022>